

Политическая стадиология Стефана Хёллера

*Олег Телемский**

Сегодняшняя вторая часть нашей встречи будет не такой большой, потому что о многом из того, о чем я сегодня буду говорить, мы говорили раньше. Для начала я хотел бы поговорить об очень интересном человеке – Стефане Хёллере.

В настоящий момент силами «Касталии» уже практически переведены все книги Хёллера, все его программные статьи; все книги, кроме одной, были изданы. Если вы не успели их купить – ничего страшного, их можно прочитать у нас на сайте castalia.ru в открытом доступе. Чем интересен Хёллер? Он очень славно объединяет три вещи, которые не удавалось объединить, на мой взгляд, никому. С одной стороны, это – глубинная психология, т.к. Стефан Хёллер является одним из самых, я бы сказал, ортодоксальных последователей Юнга. С другой стороны, это – гностицизм (Хёллер является не более и не менее как епископом созданной и возрожденной Гностической церкви, причем речь идет о гностицизме древнем, поскольку, как вы знаете, в 1945 году были открыты гностические евангелия, и мы впервые получили возможность составить свое представление о гностицизме непосредственно, а не по свидетельствам его противников). Третья грань Хёллера: он – культуролог. И как культуролог он является очень интересным теоретиком либертарианства, либертарианской политической доктрины. У него была книга, которая в нашем переводе называется «Алхимия свободы для современного общества», по материалам из которой я и хотел бы составить сегодняшнюю лекцию.

В этой книге есть очень интересная глава, которая посвящена стадиям развития сознания. Казалось бы, какие только стадиологии нам не встречались, начиная с самой известной, фрейдовской стадиологии и заканчивая малоизвестной нойманновской. На мой взгляд, хотя она и малоизвестна, она гораздо более точна и исчерпывающа. Но чем интересен Хёллер? Он преломляет эту стадиологию Эриха Нойманна, у которого она основана на стадиях, прежде всего, мифологического развития, на том, как меняются акценты в мифах на разных стадиях культурного и исторического развития, а изменение акцентов в мифах означает изменение акцентов на уровне парадигмы. И хотя типология Хёллера не тождественна нойманновской, Хёллер дает очень интересное преломление этой типологии, именно в таком политическом ключе, в ключе идеи власти.

Нойманн выводит четыре стадии развития сознания. Первая – стадия уроборического сознания, когда индивид еще не вычленен из массы, он полностью тождественен тому, что его окружает. Для этой стадии характерно то, что пространство личной свободы отсутствует. Но отсутствует даже не из-за некоего тоталитарного правителя, а в силу того, что само по себе сознание не обладает четкими границами «я».

Здесь Хёллер приводит интересный пример миссионеров в Африке, которые в начале пытались для больных дикарей, туземцев создавать обычные условия, как в обычных больницах. Но оказывалось, что в обычных больницах им становилось только хуже, несмотря на то, что их исправно лечили. И тогда умный врач, скрепя сердце, разрешил в эти больницы допускать овец, коз, родственников, чтобы создать ощущение того же пространства, в котором находится данный *как бы* индивид, хотя вообще-то здесь слово «индивид» до конца не применимо. И только в таком случае какое-то лечение стало работать, стало иметь свое действие. У Леви Брюля, выдающегося антрополога, эта стадия называется «стадией мистического соучастия». То есть это такое состояние, когда объект

полностью тождественен с окружающим миром. И здесь, на этом уровне, власти как таковой еще нет.

Очень хорошая метафора этого состояния есть у Станислава Лема, в его романе «Эдем», если кто-то читал. Есть фантастическая трилогия Станислава Лема – «Эдем», «Солярис», «Непобедимый». И объединяющей идеей этих трех романов является встреча человеческого сознания с чем-то, что ему недоступно, с чем-то, что не укладывается ни в какие представления и с чем невозможно даже установить контакт, что-то абсолютно непонятное. И вот, дан мир Эдема. Очень, кстати, характерное название, то есть здесь Лем чувствует архетип, что-то предначальное, что-то связанное с изначальной психикой. Например, у него есть такая жутковатая тоталитарная цивилизация, в которой есть некие существа, этикие длинные черви, причем, обратите внимание, что здесь идет некая регрессия к примитивным образам жизни, но как бы достигшим определенного уровня сознания. Но интересно в этой диктатуре то, что там нет конкретного диктатора. То есть, когда одно из таких существ заползает к героям на корабль, его ставят в тупик вопросы типа «Кто вас приговорил?» или «Кто вас осудил?», «Вы можете бунтовать?» или «Вы можете покориться?», то есть это существо даже не может уже на своем, понятном им языке, объяснить – а кто? А всё! То есть, это такое существование, в котором, с одной стороны, есть абсолютная власть, и все полностью подчинены этой власти, но, с другой стороны, власть вообще лишена субъектности, власть не выражена в конкретном образе. Все являются выразителями этой власти.

Еще одна интересная метафора этого состояния сознания есть в другом фантастическом романе, у Роберта Шекли. И чем хороша фантастика? Тем, что она через такие метафоры очень ёмко показывает те состояния сознания, к которым мы не имеем прямого доступа. У Шекли тоже был образ некоей империи, где каждый, в конечном итоге, доносил на себя, то есть власть даже не была настолько всезнающей, всевидящей и всё контролирующей, а просто уровень сознания регрессировал до уроборического настолько, что каждый естественным образом доносил на себя.

И с этой стадии происходит переход на стадию матриархальную. То есть, если мы говорим о первой стадии как уроборической, где субъектности нет вообще, то в матриархальной стадии появляется зародыш субъекта. У Нойманна эта стадия определяется как фаллическая. Какие представления торжествуют на этом уровне? Прежде всего, это всё, что связано с теократическими системами. Это может показаться парадоксом и неким противоречием – почему матриархат, матриархальная стадия связаны с, вроде бы, абсолютно патриархальными режимами, режимами религиозными, режимами тоталитарными, где, казалось бы, вся власть реально принадлежит мужчинам? Но, на самом деле, никакого противоречия нет. Ведь если мы посмотрим на природу табу, которые в таких системах и в таких режимах считаются незыблемыми, то все эти табу, все эти запреты связаны с любым отклонением от биологической функции. То есть, под патриархальной властью мы подразумеваем деспотию биологического детерминизма. Наглядный пример, чтобы это не висело в воздухе и не было этакой абстракцией: борьба религиозных фундаменталистов в США за запрет абортов.

То есть мы видим, что, практически, в матриархальной системе сознание тождественно своей биологической функции. И матриархальной системе, матриархальной укладу соответствуют теократия и любые тоталитарные системы. Интересно, что архаичный остаток матриархальных систем – это идея власти рода. Переход от матриархальной стадии к патриархальной, по Хёллеру, выражается в том, что с какого-то момента власть берется не по праву рода, а по праву заслуги, господства, личной силы. Но определяющим фактором уже является не род как фактор происхождения, биологии, а некий

наработанный статус, будь то статус военачальника, статус императора и т.д. Ярким примером такой чисто патриархальной фигуры является Наполеон, который берет абсолютную власть. Причем нельзя сказать, что абсолютная власть здесь *совсем* абсолютна, потому что, в отличие от матриархальной, на патриархальной стадии власть требует безусловной преданности себе, а во всем, что касается других вопросов, она уже более либеральна. Вот это – интересный момент. Причем я недавно столкнулся с косвенным подтверждением этой идеи. Казалось бы, царская власть – это такая, вроде бы, диктатура, контроль, единый закон и единая мораль для всех. И, тем не менее, я буквально на днях читал одного историка, который пишет о том, что очень многие министры и аристократы были гомосексуалистами. Царь это знал, пожурил их по-отечески, мол, нехорошо это, но – никаких процессов, никаких разоблачений не было. То есть, собственно, своим гомосексуализмом они вызывали ненависть только у народа, который находится на матриархальной стадии. Понимаете принцип, о чем речь? То есть, на патриархальной стадии власть требует безусловной преданности себе, но уже в том, что касается личного пространства, она оставляет больше свободы.

Следующий уровень Хёллер определял как интегральный, который, согласно ему, впервые проявился где-то в 60-е годы XX века, когда индивидуальное сознание, индивидуальная заслуга способны заново установить связь с мифологическим, но уже не быть его заложником, не быть его рабом, а в чем-то взаимодействовать с этим мифологическим на равных. Вот почему этот уровень определяется как интегральный.

Такова концепция Хёллера. Что еще хотелось бы сказать? У нас сегодня такая тема, в которой всё вращается вокруг идеи власти, идеи [Аркана] Император. И мне очень понравилось одно определение классического политолога о том, что всё, касающееся политики, находится в дихотомии. Любая культура, любое направление мысли и творчества находятся в дихотомии. В религии это дихотомия «дух – материя», или «бог – дьявол», в эстетике, в искусстве это дихотомия «красота – безобразное», или «форма – бесформенное». А в политике основная дихотомия – «друг – враг». Но что отличает политика от не политика? Способность скользить внутри этой дихотомии. То есть, для неполитического сознания существуют однозначно и четко враги и союзники. Внутри политической ситуации это плавающие границы, это то, что изменяется на каждом следующем витке.

И здесь есть один хороший пример. Представьте себе, что вы политик с программой где-то в шесть пунктов. И есть некая сила, с которой вы сходитесь в одних трех пунктах, но в других не сходитесь. А есть другая сила, с которой вы сходитесь в других трех пунктах. И, по сути, мастерство настоящего политика, настоящей власти, заключается именно в том, чтобы одновременно установить отношения с обеими силами, в разговоре с ними цитируя те пункты, по которым вы с ними сходитесь. И эта возможность выстраивания диалога, возможность выстраивания игры и определяет идею власти. Почему я и сказал, что образ императора, который соединяет противоположности, который пропускает через себя бинеры, в каком-то смысле самый совершенный. Он в чем-то даже, может быть, превосходит его образ у Кроули. Потому что здесь [Хёллер], видимо, как человек, имеющий какое-то отношение к политике, пусть даже на каких-то самых низовых уровнях, оперативных, уловил тот принцип, который абсолютно непонятен человеку, существующему вне этого политического локуса. Потому что человеку вне политического локуса кажется, что есть некие две силы, которые борются, которые между собой не имеют ничего общего, и иногда там происходят «странные» предательства, когда один вдруг оказался, на самом деле, другим, и так далее. Но, на самом деле, внутри всё это закономерно, потому что основная идея здесь – это возможность игры дихотомий, возможность баланса.

Наверное, на этом всё.

ДИСКУССИЯ

Вопрос: Олег, скажи почитче, как там, всё-таки, с Нойманном и его стадиями. Как можно сравнить стадии [у Нойманна и у Хёллера]?

Ответ: А там очень четко: Уроборос \ Уроборос, матриархат \ матриархат, героический уровень \ патриархальный уровень (то есть, у Нойманна это «героическим уровнем» называется), а интегральный уровень [Хёллера] у Нойманна – это «озиризация». Просто по Нойманну я хотел бы со временем дать отдельную лекцию. У него очень много подмечено тонких психологических граней: как эти стадии переходят друг в друга и т.д. Но это уже больше психология, это уже не имеет прямого отношения к тому, о чем мы сейчас говорим. А сейчас мне хотелось бы немного покрутиться в этом локусе, в локусе Императора, в локусе власти, в этом дискурсе. Но по Нойманну я думаю даже, что потом повторю эту лекцию, потому что система уникальная. На самом деле, нойманновская система вообще аналогий не имеет.

Вопрос: Как перейти от патриархального к интегральному в каждом индивидуальном случае?

Ответ: Ты знаешь, для этой страны более актуальным мне кажется перейти от матриархального к патриархальному.

Вопрос: Я не про страну, я про человека.

Ответ: Ну, про человека-то очень просто: психология, психоанализ, аналитическая психология. То есть для человека-то как раз это просто, потому что, как Юнг писал, отдельный индивид всегда обгоняет по своему развитию некий дух времени, некий дух мира. То есть для человека ответ на вопрос «Что делать?» очевидный – к психологу идти, анализом заниматься. Гораздо сложнее и гораздо интереснее мне кажется то, что мы сейчас находимся, как на культурном, так и на эгрегориальном уровне, на такой вилке между матриархальным и патриархальным. И либо пойдет регресс в тоталитарную структуру, либо всё-таки как-то будет сохраняться какой-то [статус-кво]. Потому что до интегральной еще далеко. Просто нужно быть реалистами: очень часто люди, имеющие достаточно высокий уровень развития сознания, а особенно это характерно для Москвы, для Питера, проецируют этот высокий уровень развития сознания на культуру и думают: «А почему мы еще не там?» А на самом-то деле спасибо, что мы *уже* не там. Понимаете, о чем я говорю, да? Потому что общий уровень бессознательного угрожающе матриархален, по сути.

Вопрос: Император – это всё-таки третий уровень или четвертый?

Ответ: Для меня-то, конечно, Император как архетип существует на всех уровнях, но он в каждом уровне по-своему преломляется. Большая часть Императоров [в системах Таро] соответствуют такому классическому патриархальному уровню. Это именно отец, герой, правящий силою власти, силою достижения. Но мне кажется, что в колоде Виа Таро человеку как раз удалось словить этот четвертый уровень. И это совершенно

поразительная колода: поразительно, насколько точно она это прочувствовала. А вот в этой [...] колоде – второй уровень, inferнальный.

*Лекция прочитана в клубе «Касталия» 16 ноября 2012 г.
Расшифровка записи – Алекс Мома (copyleft 2015)